

Рафаэл Зохлер. Когда меня не станет. 2016.

Смерть всегда неожиданна. Даже неизлечимо больные надеются, что они умрут не сегодня. Может быть через неделю. Но точно не сейчас и не сегодня.

Смерть моего отца была еще более неожиданной. Он ушел в возрасте 27 лет, как и несколько известных музыкантов из «Клуба 27». Он был молод, слишком молод. Мой отец не был ни музыкантом, ни известным человеком. Рак не выбирает своих жертв. Он ушел, когда мне было 8 лет — и я был уже достаточно взрослым, чтобы скучать по нему всю жизнь. Если бы он умер раньше, у меня не осталось бы воспоминаний об отце и я не чувствовал бы никакой боли, но тогда по сути у меня не было бы папы. И все-таки я помнил его, и потому у меня был отец.

Если бы был жив, он мог бы подбадривать меня шутками. Мог бы целовать меня в лоб, прежде чем я засыпал. Заставлял бы меня болеть за ту же футбольную команду, за которую болел он сам, и объяснял бы некоторые вещи куда лучше мамы.

Он никогда не говорил мне, что он скоро умрет. Даже когда он лежал на больничной кровати с трубками по всему телу, он не сказал ни слова. Мой отец строил планы на следующий год, хотя он знал, что его не будет рядом уже в следующем месяце. В следующем году мы поедем рыбачить, путешествовать, посетим места, в которых никогда не были. Следующий год будет удивительным. Вот о чем мы мечтали.

Думаю, он верил, что такое отношение притянет ко мне удачу. Строить планы на будущее было своеобразным способом сохранить надежду. Он заставил меня улыбаться до самого конца. Он знал, что должно случиться, но ничего не говорил — он не хотел видеть моих слез.

Однажды моя мама неожиданно забрала меня из школы, и мы поехали в больницу. Врач сообщил грустную новость со всей деликатностью, на которую только был способен. Мама плакала, ведь у нее все еще оставалась крошечная надежда. Я был в шоке. Что это значит? Разве это не было очередной болезнью, которую врачи легко могут вылечить? Я чувствовал себя преданным. Я кричал от гнева, пока не понял, что отца уже нет рядом. И я тоже расплакался.

Тут кое-что произошло. С коробкой под мышкой ко мне подошла медсестра. Эта коробка была заполнена запечатанными конвертами с какими-то пометками вместо адреса. Затем медсестра вручила мне одно-единственное письмо из коробки: «Твой отец попросил меня передать тебе эту коробку. Он провел целую неделю, пока писал их, и хотел бы, чтобы ты прочитал сейчас первое письмо. Будь сильным».

На конверте была надпись «Когда меня не станет». Я открыл его: «Сын, если ты это читаешь, значит я мертв. Мне жаль. Я знал, что умру. Я не хотел тебе говорить, что произойдет, я не хотел, чтобы ты плакал. Я так решил. Думаю, что человек, который собирается умереть, имеет право действовать немного эгоистичнее. Мне еще многому нужно тебя научить. В конце концов, ты ни черта не знаешь. Так что я написал тебе эти письма. Не открывай их до нужного момента, хорошо? Это наша сделка. Я люблю тебя. Позаботься о маме. Теперь ты мужчина в доме. Люблю, папа.

P.S. Я не написал писем для мамы. Она и так получила мою машину».

Его корявое письмо, которое я едва мог разобрать, успокоило меня, заставило улыбнуться. Вот такую интересную вещь придумал мой отец. Эта коробка стала самой важной в мире для меня. Я сказал маме, чтобы она не открывала ее. Письма были моими, и никто другой не мог их прочитать. Я выучил наизусть все названия конвертов, которые мне еще только предстояло открыть. Но потребовалось время, чтобы эти моменты настали. И я забыл о письмах.

Семь лет спустя, после того, как мы переехали на новое место, я понятия не имел, куда подевалась коробка. У меня просто вылетело из головы, где она может быть, да и я не очень-то и искал ее. Пока не произошел один случай.

Мама так и не вышла снова замуж. Я не знаю почему, но мне хотелось бы верить, что мой отец был любовью всей ее жизни. В то время у нее был парень, который ничего не стоил. Я думал, что она унижает себя, встречаясь с ним. Он не уважал ее. Она заслужила кого-то намного лучше, чем парень, с которым она познакомилась в баре.

Я до сих пор помню пощечину, которую она отвесила мне после того, как я произнес слово «бар». Я признаю, что я это заслужил. Когда моя кожа все еще горела от пощечины, я вспомнил, коробку с письмами, а точнее конкретное письмо, которое называлось «Когда у вас с мамой произойдет самая грандиозная ссора».

Я обыскал свою спальню и нашел коробку внутри чемодана, лежащего в верхней части гардероба. Я посмотрел конверты, и понял, что забыл открыть конверт с надписью «Когда у тебя будет первый поцелуй». Я ненавидел себя за это и решил открыть его потом.

В конце концов я нашел то, что искал: «Теперь извинись перед ней. Я не знаю, почему вы поругались и я не знаю, кто прав. Но я знаю твою маму. Просто извинись, и это будет лучше всего. Она твоя мать, она любит тебя больше, чем что-либо в этом мире. Знаешь ли ты, что она рожала естественным путем, потому что кто-то сказал ей, что так будет лучше для тебя? Ты когда-нибудь видел, как женщина рожает? Или тебе нужно еще большее доказательство любви? Извинись. Она простит тебя. Люблю, папа».

Мой отец не был великим писателем, он был простым банковским клерком. Но его слова имели большое влияние на меня. Это были слова, которые несли большую мудрость, чем все вместе взятое за 15 лет моей жизни на то время.

Я бросился в комнату матери и открыл дверь. Я плакал, когда она повернулась, чтобы посмотреть мне в глаза. Помню, я шел к ней, держа письмо, которое написал мой отец. Она обняла меня, и мы оба стояли в тишине.

Мы помирились и немного поговорили о нем. Каким-то образом, я чувствовал, что он сидел рядом с нами. Я, моя мать и частичка моего отца, частичка, которую он оставил для нас на листке бумаги.

Прошло немного времени, прежде чем я прочитал конверт «Когда ты потеряешь девственность»: «Поздравляю, сын. Не волнуйся, со временем станет лучше. В первый раз всегда страшно. Мой первый раз произошел с некрасивой женщиной, которая к тому же была проституткой. Мой самый большой страх, что ты спросишь маму, что такое девственность после того, как прочтешь это слово. Люблю, папа».

Мой отец следовал за мной через всю мою жизнь. Он был со мной, даже несмотря на то, что давно умер. Его слова сделали то, чего больше никто не мог совершить: они придавали мне сил, чтобы преодолеть бесчисленные сложности в моей жизни. Он всегда умел заставить меня улыбнуться, когда все вокруг выглядело мрачным, помогал очистить разум в моменты злости.

Письмо «Когда ты женишься» очень взволновало меня. Но не так сильно, как письмо «Когда ты станешь отцом»: «Теперь ты поймешь, что такое настоящая любовь, сынок. Ты поймешь, как сильно любишь ее, но настоящая любовь — это то, что ты почувствуешь к этому маленькому созданию рядом с тобой. Я не знаю, мальчик это или девочка. Но... получай удовольствие. Сейчас время понесется со скоростью света, так что будь рядом. Не упускай моментов, они никогда не вернуться. Меняй пеленки, купай ребенка, будь образцом для подражания. Я думаю, у тебя есть все, чтобы стать таким же прекрасным отцом, каким был и я».

Самое болезненное письмо, которое я когда-либо читал, было также и самым коротким из тех, что отец написал мне. Уверен, в момент, когда он писал эти три слова, отец страдал так же, как и я. Потребовалось время, но в конце концов я должен был открыть конверт «Когда твоя мать умрет»: «Она теперь моя».

Шутник! Это было единственное письмо, которое не вызвало улыбку на моем лице. Я всегда сдерживал обещание и никогда не читал писем раньше времени. За исключением письма «Если ты поймешь, что ты гей». Это был одно из самых забавных писем: «Что я могу сказать? Рад, что я мертв. Шутки в сторону, но на пороге смерти я понял, что мы заботимся слишком много о вещах, которые не имеют большого значения. Ты думаешь, это что-нибудь изменит, сынок? Не глупи. Будь счастлив».

Я всегда ждал следующего момента, следующего письма — еще одного урока, которому отец научит меня. Удивительно, чему 27-летний человек может научить 85-летнего старика, каким стал я. Теперь, когда я лежу на больничной койке, с трубками в носу и в горле благодаря этому проклятому раку, я вожу пальцами по выцветшей бумаге единственного письма, которое еще не успел открыть. Приговор «Когда придет твое время» едва читается на конверте.

Я не хочу открывать его. Я боюсь. Я не хочу верить, что мое время уже близко. Никто не верит, что однажды умрет. Я делаю глубокий вдох, открывая конверт: «Привет, сынок. Я надеюсь, что ты уже старик. Ты знаешь, это письмо я написал первым и оно далось мне легче всех. Это письмо, которое освободило меня от боли потерять тебя. Я думаю, что ум проясняется, когда ты так близок к концу. Легче говорить об этом.

Последние дни здесь я думал о своей жизни. Она была короткой, но очень счастливой. Я был твоим отцом и мужем твоей мамы. Чего еще я мог просить? Это дало мне душевное спокойствие. Теперь и ты сделай то же самое. Мой совет для тебя: не бойся.

P.S. Я скучаю по тебе».

https://isralove.org/load/23-1-0-726?utm_source=bifnim&utm_medium=lenta